

Дмитрий Дейч
ИГРУШКИ

Дмитрий Дейч Игрушки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11611002

ISBN 9785447420536

Аннотация

Самая нежная и загадочная книга Дмитрия Дейча, где Чебурашка выходит из телевизора, чтобы сыграть в подкидного дурака, пластмассовые индейцы выполняют шаманские ритуалы, дедушкин нос превращается в компас, а узоры на обоях становятся картой Мироздания.

Содержание

Индейцы и ковбойцы	6
Нос	13
Конармия	26
Пальцы	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Игрушки

Дмитрий Дейч

© Дмитрий Дейч, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Мама нашла среди рухляди три коробки игрушек.

– *Вот*, – сказала она, – *подарить кому-нибудь. Или вы-
бросить.*

Я открыл коробку, и обмер.

– Можно, я возьму это?

– *Зачем?* – удивилась мама. – *Что ты будешь с этим де-
лать?*

Я ещё не знал что буду *с этим* делать, было ясно, что иг-
рушки мне нужны позарез. МОИ игрушки.

– *Они были ТВОИМИ сорок лет назад*, – засмеялась мама.

А ведь ты никогда не говорила, что привезла их сюда.

Ты не спрашивал. Если бы тебя интересовали такие вещи, ты бы знал, что однажды я просто свалила всё, что у нас было, на дно огромного фанерного ящика, и отправила морем – в Хайфу.

Тряпки. Полотенца.

Письма.

Занавески.

Школьные тетрадки. Учебники для третьего класса.

Подвенечное платье.

Ёлочные звёзды и серпантин.

Твои игрушки.

Индейцы и ковбойцы

– *Ковбои*, – поправлял меня дедушка.

– Ковбои, – послушно повторял я, но как только дверь в детскую закрывалась, всё возвращалось на круги своя: дедушка не смыслил в ковбойцах ни бельмеса, даром, что был Полковником и Героем в отставке.

Индейцев купил дядя Витя – чтобы произвести впечатление на маму (мама осталась холодна, но я был сражен наповал), а ковбойцы в канун Нового года сами нашлись под ёлкой. К тому времени разборки на Диком Западе сошли на нет, и я принял подарок равнодушно, хотя год или два назад был готов отдать за ковбойцев всё: даже пиратов или викингов, даже любимую пластмассовую клюшку с тяжёлой пластмассовой шайбой впридачу. А всё потому, что у Кирилла были ковбойцы, а у меня не было.

Он приходил воевать почти каждый день, но прежде чем сойтись врукопашную, мы садились друг напротив друга и хвастали. Иногда до схватки дело не доходило: одного за другим мы выводили бойцов вперёд и спорили кто кого соборет.

Первым я выставлял Шамана: его было не жалко – ни ножа, ни винтовки, ни лука у него не было, а были какие-то дурацкие маракасы и головной убор из перьев. Он был ни на что не годен. Так я думал, пока дедушка не пояснил, что Шаман – самый главный. Он потому не нуждается в оружии, что сам управляет событиями. Поёт и пляшет, пока все остальные сражаются. Но как только Шаман перестанет плясать, дух Маниту оставит воинов, и они упадут замертво.

Конечно, дедушка не смыслил во всём этом ни бельмеса, и я не был обязан к нему прислушиваться, но однажды, простудившись, я довольно долго думал об этом, лёжа в постели с температурой, и понял, что он прав.

С тех пор тактика изменилась.

Теперь драку затевал Том – главный по томагавкам. Правой рукой Том поднимал топорик над головой, а левой – делал приглашающий жест: иди, мол, сюда. Однажды я видел как дрались двое пьяных, это было страшно, но страшнее всего было то, что один то и дело кричал «иди, я тебе люлей навешаю», а второй послушно шёл на зов, принимал пинки и удары, падал, потом вставал, снова шёл, и так было пока дядя Коля не вызвал милицию и скорую.

Дядя Коля был осторожным человеком, ему никогда

не пришло бы в голову разнять пьяных самому. Зато дедушка мой то и дело «попадал в историю»: ему ничего не стоило урезонить хулиганов, поспорить с управдомом или послать милиционера при исполнении служебных обязанностей куда Макар телят не гонял.

Всякий раз по окончании очередной «истории» дядя Коля пенял ему:

– Что же вы, Григорий Исаич, себя не бережёте? Война давно кончилась, а вы всё геройствуете. Как маленький, честное слово...

Дедушка согласно кивал, позыркивая на дядю Колю снизу вверх (дядя Коля был высоким), и в тон собеседнику отвечал:

– Вы абсолютно правы, Николай Степанович. Нужно быть трусливым и сговорчивым, тогда, глядишь, коммунизм сам и построится...

Не то, чтобы дедушка верил в наступление коммунизма, но в качестве генерального довода коммунизм, конечно, побивал прочие доводы. На дядю Колю эти слова действовали магически: он шёл на попятный, извинялся и звал дедушку (а заодно и всех, бывших при этом) угоститься армянским

марочным коньяком.

От коньяка дедушка не отказывался никогда.

Угостившись, он приходил в детскую и наблюдал за развитием событий – сидя в кресле у окна, не вмешиваясь, не пропуская ни слова, будто происходившее за окном интересовало его куда больше, чем сражение, которое разворачивалось под ногами – на трофейном клетчатом ковре, таком большом, что его приходилось загибать у стенки – иначе он не помещался на полу.

Дом строили в конце сороковых пленные немцы, среди которых, возможно, были и те, чья мебель, ковры и картины стояли, висели и лежали в его комнатах. Я вырос в этом доме, искренне полагая, что фамилия «Дейч» имеет прямое отношение к вещам, меня окружавшим. В серванте стояли хрустальные пивные кружки, глиняные и фарфоровые безделушки, а в маминой комнате прижился кабинетный рояль «Voesendorfer», об ту пору расстроивший свои струны настолько, что реставраторы отказывались браться за восстановление. Вместо этого нам предложили передать рояль в музей при местной консерватории: *восемнадцатый век – не хухры-мухры, Евгения Еремеевна. Денег не выручите, зато доброе дело сделаете...*

К приходу дедушки Том-Томагавк ощутило сдавал позиции: против короткого топорика Кирилл использовал длинный ковбойский кнут. Томагавк отсекал кончик раз за разом, но кнут – подобно шее лернейской гидры – заново отрастал (каким-то образом Кириллу удавалось убедить меня в этом). Я пытался достать ковбойца справа и слева, но Джек был неутомим: в правой руке он держал оружие, левая была сжата в кулак. Револьвер оставался в кобуре, выражение коричневого лица не оставляло сомнений: Джек – из тех, кто пойдёт до конца – при любых обстоятельствах. Короче говоря, Тому приходилось несладко, но даже в самые драматические моменты его пластмассовой жизни с уст не сходила лёгкая улыбка, которую я полагал загадочной и немного (чего греха таить) придурковатой. Внимательно рассматривая Тома в свободное от сражений время, я понимал, что индеец нетрезв (сегодня я бы решил, что Том объелся мухоморов). Однажды после особенно жаркой схватки, окончившейся полным разгромом краснокожих, дедушка напомнил, что томагавком можно не только крушить черепа, томагавк можно метнуть, причём – с большого расстояния.

С тех пор, чтобы уравнивать шансы, вместо Джека с его волшебным регенерирующим кнутом Кирилл был вынужден выставить Джима, вооружённого револьвером, и я, наконец, получил спасительное преимущество.

Джим был коварным и подлым типом: в правой руке он держал револьвер, а в левой – мешочек с деньгами (происхождение этих денег было предметом наших неустанных споров, однажды мы сошлись на том, что золото в мешочке – от продажи ворованных лошадей). Свою добычу он прятал за спину – но не от врагов, а от товарищей: негодяй этот был убеждён в том, что пока он в одиночку отстреливается от свирепого индейца с топором, кто-то из своих непременно подкрадётся и умыкнёт его добро. Всё это было чёрным по белому написано, выплавлено, выдавлено на его сморщенной физиономии, и мы с Кириллом немало времени провели, изучая вопрос о том кого именно из ковбойцев Джим подозревает в нечистых намерениях.

Кажется, Кирилл не особенно беспокоился о судьбе своего подопечного, поэтому Том иногда успевал метнуть томагавк прежде, чем Джим делал свой первый выстрел. Смертельно раненный негодяй ронял мешочек на пол, хватался за сердце, из последних сил поднимал свой револьвер, и убивал отважного индейца наповал – прежде чем испустить дух в страшных мучениях.

– *Сдохнул, жидовская морда,* – удовлетворённо сообщил однажды Кирилл, наблюдая за джимовыми последними конвульсиями.

Дедушка, бывший при этом, поперхнулся – верно, коньячок попал не в то горло.

Нос

Евреев хоронят не в гробу, а в тряпице: пакуют, перевязывают крест-накрест как бандероль, и – отправляют по назначению.

Еврейский труп не похож на человека.

Его не реставрируют. Никакой косметики.

Никаких иллюзий: в лоб не целуют, по имени не называют, ясно ведь: здесь одна скорлупа (клиппа). Кожура. Самого человека – давным-давно след простыл, где он теперь – неизвестно, да и не нашего ума это дело.

Что до скорлупы: её не жаль и в землю.

На похоронах ко мне подошёл старичок – маленький, сухонький, чуть сгорбленный. Улыбчивый. Сперва я принял эту улыбку на свой счёт, но скоро выяснилось, что это – просто гримаса, которая приросла к лицу, хорошо прижилась и стала частью натуры. Такое случается: улыбка-призрак. Живёт человек, улыбаясь в пустоту, даже не зная, что улыбается. Может, и знал когда-то, но давным-давно позабыл.

– Григорий Исаевич, – сказал старичок.

– Григорий Исаевич умер, – ответил я, взглядом указав на похоронную тележку.

Он постоял, глядя на спелёнутое, завязанное узлом тело моего дедушки, улыбаясь и кивая покойному – ласково и печально, затем снова повернулся ко мне:

– Григорий Исаевич был исключительным человеком!

– Я знаю, – сухо ответил я.

– Вы ничего не знаете, – сообщил улыбчивый старичок, – вы слишком молоды, чтобы знать. Возможно, вы – подозреваете. Возможно, у вас имеются кое-какие догадки. Но кому они интересны – ваши догадки?

Я посмотрел налево. Потом направо. Никто не обращал на нас ни малейшего внимания. Все делали вид, что слушают раввина. Раввин пел.

Старичок смотрел на меня, продолжая улыбаться. Теперь его улыбка напоминала оскал хищной рыбыны, приготовившейся к атаке.

– Вы думаете, знание это – где-то здесь... – неожиданно он наклонился вперёд, и довольно крепко стукнул маленьким кулачком меня прямо в лоб. Я слегка растерялся, попытался отмахнуться, но не тут-то было: он ловко увернулся и снова постучал (было чертовски больно!) – по затылку.

– Сокрушительная пустота! – заявил он с торжествующим видом. – Звон – и ничего больше! Ваш дедушка знал об этом. А вы – понятия не имеете.

Сказать, что я опешил – не сказать ничего... Подобное состояние я испытал однажды по-малолетству, застав в учительской преподавателя математики – пожилого сухопарого очкарика, которого все мы немного побаивались, с молоденькой, только что из университета, преподавательницей истории. Они держались за руки и плакали.

Если бы они целовались или занимались любовью, это смутило бы меня меньше. Помню, я выскочил как ошпаренный, а на следующий день избегал смотреть им в глаза.

Вот и теперь – уж не знаю почему – мне было трудно смотреть в глаза человеку, которого, по логике вещей, я преспокойно мог удалить с поля. Послать подальше. На крайний случай: извиниться, сослаться на обстоятельства...

– Мне больно!

– Вот и хорошо, что больно, – кивнул старичок: очень хорошо! Потому что пока вам не станет по-настоящему больно, вы и с места не сдвинетесь. Я с удовольствием сделаю вам больно... (на всякий случай я отодвинулся) очень больно... и ещё больнее...

Тут он принялся цитировать «Песнь о буревестнике»: пусть сильнее грянет буря, глупый пингвин, чёрной молнии подобный, и тому подобное. Я по инерции продолжал слушать, вытаращив глаза и совершенно потеряв всякое представление о том где нахожусь и что, чёрт возьми, происходит, но тут, по счастью, меня отвлекли: нам с отцом предстояло уложить покойника на носилки и отнести его к месту захоронения.

Когда свёрток опускали в могилу, я впервые почувствовал – животом – насколько, до какой степени пластика мёртвого тела отличается от живого. Только увидав это воочию, понимаешь почему люди боятся смерти. Не самой смерти даже, а – малого, почти неуловимого изменения, которое смерть производит с человеческим телом.

Покойник выглядит почти как человек.

И в этом почти присутствует полная мера нашего страха: здесь всё, чего мы боимся, хоть на первый взгляд может показаться, что боимся мы разных, порой совершенно не схожих между собою вещей.

На поминки остались только близкие родственники и друзья. К своему удивлению, я столкнулся нос к носу с давешним старичком: без лишних церемоний он уселся по правую руку, и принялся ухаживать за мной: то салатик положит, то водочки нальёт.

Выпили за покойного: один и другой раз.

Принялись рассказывать смешные истории, героические, трогательные, нелепые. Мама всплакнула. Я вспомнил о том, как дедушка с бабушкой меня разыграли, и я напугался до чёртиков.

Все смеялись.

Мама рассказала как дедушка встретил бабушку: на поле сражения ему оторвало нос, он завернул его в тряпицу и побежал в медсанбат, где бабушка заведовала хирургическим отделением. И бабушка ему нос пришила, да так ловко, что остался лишь тоненький, почти невидимый шрам.

Так они познакомились.

А после поженились – прямо в окопах.

Историю эту мы хорошо знали: она была из разряда семейных легенд, которые десятилетиями пересказывают на все лады – по поводу и без повода, они никогда не надоедают и в конце концов становятся чем-то вроде старой заслуженной мебели: обшарпанный диван, скрипучие стулья, пошатывающийся стол – вся эта рухлядь давным-давно приелась, но выбросить жалко, а самое главное – непонятно останется ли дом по-прежнему нашим домом, если убрать это с глаз долой?

На сей раз, впрочем, история про оторванный нос претерпела существенные изменения, и всё – благодаря моему улыбчивому соседу. Дождавшись окончания, он хмыкнул, покачал головой и пробормотал – тихонько, как бы про себя: ерунда собачья...

– Что значит ерунда собачья? – удивилась мама.

– То и значит: чепуха. Чушь!

– Не пойму, – взволновалась мама, – вы хотите сказать,

я это выдумала?

– Я хочу сказать, что вам известно далеко не всё. Нос Григорию Исаевичу и в самом деле оторвало – осколком снаряда. Евгения Мироновна его пришила на место, тут тоже всё верно. Но поженились они гораздо позже, а познакомились – гораздо раньше. Но самое главное – в вашей истории не хватает множества существенных деталей.

– Вам-то откуда знать? – спросил я, раздражённый непрошенным вмешательством.

– Да ведь я был там, и всё видел своими глазами!

– Стало быть, вы – его сослуживец?

– Я – его ординарец.

Тут все принялись перемигиваться и переглядываться: дедушкин ординарец был популярной фигурой – из тех харизматичных персонажей второго плана, друзей и слуг, кто репликой интригу подтолкнёт, подаст совет, повсюду тут как тут: Лепорелло, Швейк и Горацио в одном флаконе... Обыкновенно дедушкина байка начиналась с того, что ординарец – плутоватый, но отзывчивый и по-своему честный – напивался в стельку, бил особиста по морде, проваливался

в сортир, приносил важное известие, насиловал благодарную немку, терял штаны, бегал за самогоном, выпускал всю обойму в немецкого офицера с пяти шагов, и – непременно промахивался.

Особенно популярна была история о чудесном спасении ординарца от трибунала: Сашку собирались расстрелять за кражу ящика бесценного трофейного коньяка, предназначенного для отправки в Москву, но дедушка повернул дело так, что из злоумышленника Сашка превратился в невменяемого дураля, который действовал не из корыстных соображений, а по глупости, и только потому – заслуживал прощения.

Главным аргументом защиты стал и в самом деле вопиющий факт: коньяк столетней выдержки Сашка закусывал солёным огурцом.

– Всё это враки, – улыбнулся старичок, – закусывали мы, конечно, трофейным шоколадом. Немцы хороший шоколад делали. А коньяк был исключительным, французским, столетней выдержки, за такой и под трибунал – не жалко! Огурец Батя придумал уже на заседании трибунала. А я не стал возражать...

Ваш дедушка был великий выдумщик, этого у него не от-

нимешь.

Когда полк попал в окружение, Батя выводил его с пистолетом в руке, не прячась за нашими спинами, а – впереди, как и полагается командиру. За что и получил звёздочку «героя». Правда, в наградной не записано, что в правой руке он держал пистолет, а в левой – собственный нос, завернутый в носовой платок.

Платок этот принадлежал мне, трофейный... К тому времени всё у нас было трофейное: от любовниц до подштанников...

В тот день нам не удалось наладить связь, мы не знали, что немцы передислоцировались, и полк полностью окружён. Узнали только тогда, когда в окопах начали рваться снаряды. И летели они оттуда, где по нашим соображениям должны были находиться свои... Батя не растерялся и приказал выдвигаться. Вот тогда-то ему и оторвало – не весь нос, конечно, а только кончик.

Это был последний снаряд: обстрел сразу же прекратился. Наступила тишина. Батя закрыл лицо руками и сказал: *Сашка, ёб твою мать, мне нос оторвало! Он где-то здесь, ищи...*

Быстро темнело, но мы, как ни странно, довольно быстро

его отыскиали. Отряхнули, уложили в платок, завязали... Без носа Григорий Исаевич выглядел... своеобразно... Но почему-то меня это не смутило тогда, а – наоборот, как бы привело мысли в порядок. Будто так и должно было случиться... Положение было безвыходное, все это понимали... Но когда мы увидали Батю... кровь заливала его лицо, оно казалось безумным, яростным, сумасшедшим, зато глаза были – светлыми и совершенно ясными, будто он точно знал что делать... все разом притихли: никакой паники, действовали слаженно – как на учениях или на параде.

Команды отдавались шёпотом.

Никто не верил, что мы выйдем оттуда живыми. Шансов не было. В полной темноте, по пересечённой местности мы шли гуськом, глядя друг другу в затылок. Со всех сторон звучала немецкая речь. Мы были не просто в окружении, но – посреди вражеской территории, практически в расположении немецкой дивизии. Вопреки логике мы двигались навстречу врагу. Полк в полном составе прошагал напрямиком в немецкий тыл.

Батя шёл впереди, следом за ним – я. Только однажды он обернулся:

– Сашка, как нос пришивать будем?

Я не ответил. Мы оба понимали, что сейчас не время: стоило немцам обратить внимание на то, что у них под носом творится, и нам было бы уже не до носа...

Когда, наконец, выбрались, бабушка ваша тут же взялась за дело, и быстро его подлатала – позже она признавалась, что, мол, была уверена: ничего не выйдет – слишком долго этот кусочек плоти был отделён от тела.

А два дня спустя, по хорошей пьяни, Батя вдруг выдал:

– Что, Сашка, думаешь, это я вас из окружения выводил?

– Кто же ещё, Исаич? – к тому времени мы все на него чуть не молились. Только и разговоров было о том как Батя нас вывел.

– Ничего ты не понимаешь, – сказал полковник, – вот если бы мне нос тогда не оторвало, хрена лысого ты бы теперь самогон попивал...

Уже после войны я слышал немало подобных историй, но никогда не верил. Помню одного деятеля, который полагал, что жизнью своей обязан любовной записке, которую носил всю войну в портсигаре: люди склонны приписывать

удачу или интуицию амулетам, каким-то предметам – из суеверия или по глупости. Но тогда, после всего пережитого, поверил – сразу и безоговорочно.

Когда мы выходили из окружения, Батя ни о чём не думал и не смотрел по сторонам, он лишь поворачивал туда, куда вёл его нос. Ваш дедушка чувствовал на расстоянии комочек плоти, завязанный в платок – так, будто это был компас, указывающий верное направление.

Будто оторванный нос стал дополнительным органом – сродни зрению или слуху.

Органом чистого, незамутнённого знания.

В эти мгновения Батя точно знал что нужно делать, но если бы он на мгновение усомнился или задумался, мы бы не выжили...

Так-то вот...

Старичок замолчал. Гости выпили по последней и стали расходиться.

Было довольно поздно, мы вышли на двор – покурить.

Я смотрел на него, пытаясь разглядеть сквозь маску морщин лицо, принадлежавшее когда-то молоденькому ординарцу, и думал о том, что по части ошеломляющих розыгрышей моему покойному деду – пусть земля ему будет пухом – и в самом деле нет и не было равных.

Конармия

О том, кто я такой, прежде меня самого прознал Чуня.

– Евреи не играют в футбол, – сказал он, отбирая у меня мяч.

– Сам ты еврей!

– Твой папа еврей, – невозмутимо продолжал Чуня.

– Твоя тётя еврейка, – ответил я, пытаюсь справиться с неожиданным приступом тоски и отчаяния.

– Я точно знаю, – сказал Чуня, – и теперь все во дворе узнают, что твой папа еврей. А значит и ты – еврей. И дети твои будут евреями. И в паспорте у тебя будет написано: «еврей». Так что – бойся, тебе пиздец.

– В каком смысле «пиздец»? – осторожно спросил я.

– Теперь тебя все бить будут. Я буду. И Мишка Сапего. И Карась. И Цыпа. И даже Светка Зеленовская. Понял?

– Ты – еврей? – спросил я дедушку.

Дедушка равнодушно кивнул, продолжая чистить картошку: *да, мол, еврей. А в чём дело?*

– А я – нет! – сообщил я.

– *И ты еврей,* – сказал дедушка, ни на секунду не отвлекаясь от своего занятия.

– И папа еврей? – спросил я с ужасом.

– *И papa,* — спокойно ответил дедушка.

– И мама? И бабушка?

– *Все евреи.*

– И тётя Аня? – не сдавался я.

– *И тётя Аня.*

– И дядя Коля?

– *Нет,* – сказал дедушка, – *дядя Коля – не еврей.*

– А почему тётя Аня – да, а дядя Коля – нет?

– *Дядя Коля – наш сосед.* – пояснил дедушка, – *а тётя Аня – сестра твоей бабушки.*

– Врёшь ты всё! – прошептал я и выскочил за дверь.

– Тётя Тоня, я – еврей? – спросил я пожилую продавщицу в овощном магазине, которая всегда меня баловала и старалась при случае угостить – то яблочком, то пряничком.

Тётя Тоня подняла брови домиком. Впервые в жизни я видел её растерянной. А ведь она была из тех, кто за словом, как говорится, в карман не полезет.

– Амम्म, – затянула она, – уммм...

– Да или нет? – закричал я.

– *Ты еврей,* – сказала вторая продавщица, молчаливая строгая тётя Люда. – *Ты еврей и должен гордиться этим.*

– Меня же бить будут, тётя Люда!

– *Вот и хорошо,* – сказала тётя Люда, – *Тебя бьют, а ты гордись.*

— *Шо ж ты городишь?* — заверещала тётя Тоня, — *Людмила, зла на тебя нету. Шо ж ты дитё стращаешь? Димочка, ну какой ты еврей? Не слушай никого. А если кто обижать будет будет по национальному... эмммм... признаку, мне скажи. Я Илюшу пришлю, он им покажет.*

Илюша был вечно пьяненьким мужем тёти Тони. Что именно он способен показать обидчикам я представлял с трудом, и все до единого предположения были, мягко говоря, неприличными.

— Кирюха, я — еврей, — сказал я лучшему другу.

Тот помолчал немного и вдруг отвернулся. Приглядевшись, я понял, что он тихонько смеётся. Вот ведь гад! Не пожалев силы, я ткнул его в бок кулаком.

— *Дурак,* — засмеялся он в голос, — *думаешь, почему наш район «еврейским кварталом» называют? Тут евреев больше, чем грязи. Каждый второй — еврей.*

— И ты... тоже?

— *И я,* — подтвердил Кирюха, — *и Чуня. И Мишка Сапего. И Карась. И Цыпа. И даже Светка Зеленовская.*

Вечером того же дня дедушка вручил мне красивый трофейный ящичек из нержавеющей стали, перевязанный красной лентой. Там было всего два предмета – малоформатное издание «Конармии» Бабеля (книжку бабушка тут же прибрала под тем предлогом, что мне, мол, такое читать рановато) и набор плоских солдатиков в картонной коробке с надписью

**7 штук КОМПЛЕКТ
КОНАРМИЯ
для детей 7—12 лет**

Пришло время обновить личный состав. – сказал дедушка. – Принимай пополнение! А то всё у тебя пираты, ковбои, викинги, доисторические римляне, рыцари... какие-то – хрен поймёшь – неандертальцы, индейцы... не наши, не русские...

– А эти-то чьи?

– *Эти-то?..* – задумался дедушка, внимательно разглядывая машущих шашками всадников в будёновках, пулемётчиков в тачанках и бравого командира в фуражке, с наганом. – *Эти – свои, наши...*

– Еврейцы?.. – осторожно предположил я.

Пальцы

В детстве я болел скрипкой. Слушая Ойстраха, виртуозно перебирал пальцами и водил в воздухе воображаемым смычком. Хмурился как Ойстрах, дёргал щекой, закатывал глаза, и – величественно кланялся по окончании каждого номера.

Мама любила музыку и сама играла на рояле, но этого оказалось недостаточно: я просил, я требовал, я умолял отправить меня в музыкальную школу – всё напрасно.

У тебя нет слуха.

Это у меня-то нет слуха? У меня?

Спой «во саду ли, в огороде»... м-да... ни единой верной ноты.

Я упорствовал, я был чертовски уверен в себе, и, наконец, когда мне исполнилось восемь, мама сдалась: *завтра идём на прослушивание. Я записала тебя в класс гитары.*

Гитары?!!

Ну разумеется, гитара – скромница, обладает тихим при-

ятным голосом, и если аккуратно прикрыть дверь в детскую, да ещё и... ммм... погромче включить магнитофон или радио... Впрочем, маму можно сколько угодно обвинять в эгоизме, но и понять её тоже можно. В конце-концов, кто из нас, положив руку на сердце, готов признаться в любви к начинающим скрипачам? Особенно – скрипачам-соседям? Не говоря о скрипачах-родственниках – из тех, что репетируют в соседней комнате...

Мотивировала она свой выбор тем, что скрипка – инструмент академический, предназначенный для больших залов и «серьёзных» слушателей, гитара же в её понимании была неким Символом Времени, средством «наведения мостов» – на все случаи жизни: она была хороша и в зале, и в подворотне. Моя мать кое-что знала о выживании евреев в этой стране, и, возможно, обладала даром предвидения: в Советской Армии гитара не раз и не два спасала меня от побоев, а может быть и от кое-чего пострашнее.

Позже она призналась мне, что с самого начала была уверена в провале: отбор в музыкальную школу был очень строгим. В класс скрипки, куда мне всё ещё хотелось до чёртиков, конкурс был терпимым: три человека на место. Но в класс гитары (как бы подтверждая прагматичные доводы моей мамы) он был просто заоблачным: пятнадцать человек на место.

Я поступил – со второго захода. Первый экзамен – восьми лет от роду я самым смешным образом провалил: экзаменаторы признали меня годным по всем статьям – они обнаружили у меня сносный музыкальный слух (дело ведь не в том как ты поёшь, а в том, как слышишь), хорошее чувство ритма (я был способен воспроизвести самую сложную ритмическую фигуру, хлопая в ладоши), единственным – досадным, идиотским, абсурдным – препятствием стала длина моих пальцев.

Выше голову, молодой человек! Приходите через год или два, может быть, к тому времени пальчики подрастут.

Мне было так обидно, что неделю или две после этого рокового события мама была вынуждена ежедневно кормить меня мороженым на завтрак, обед и ужин – стараясь по мере сил унять боль и горечь первого в моей жизни серьёзного поражения.

Когда я, наконец, пришёл в себя после интенсивной пломбиротерапии, стало ясно: борьба только начинается. Ха! В моём распоряжении – год. Целый год! За год не пальцы – рога отрастить можно!

Мой отец, врач по профессии, относился к этому весьма

и весьма скептически: у всех в этой семье короткие пальцы. У меня, у тебя, у дедушки и у бабушки. У мамы короткие пальцы, у её мамы тоже были короткие пальцы. У мамы её мамы... Короткопалость – генетическое. Врождённое. Большая Круглая Печать, приговор без обжалования – раз и навсегда. Кстати, в подвале соседнего дома открыли секцию юных парашютистов... ну-ка перестань реветь... нашёл причину... Плюнь и забудь...

Он, конечно, ничего не понимал в этом... Мне было искренне жаль его (мне и теперь его жаль)...

Вопреки всем и всяческим препонам я не терял времени даром. Существуют ли специальные упражнения? Гантели для пальцев? Никто не мог сообщить на этот счёт ничего полезного. Я начал с того, что упросил родителей купить резиновый эспандер, перелопатил все энциклопедии, включая «Большую Медицинскую»: «короткое», «короткопалость», «кратчайшее», «корочун»... Я растягивал пальцы вдоль и поперёк, мял их, дёргал, выворачивал из суставов. Неделя проходила за неделей, месяц за месяцем. Каждое утро я смотрел на свои огрызки, на свои пеньки, на свои коротенькие барабульки, понимая, что со вчерашнего дня они не стали длиннее ничуть. Порой мне казалось, что словно в отместку за ничтожность всех моих усилий, за мою вопиющую бездеятельность, они – наоборот – изо дня в день ста-

новились короче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.